

Оксана Довгополова., Алексей Каменских

ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В РОССИИ И ПЕРЕЛОМ 1917 Г.: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С 25 по 28 августа в пермском филиале национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» состоялся международный научно-образовательный семинар «Гуманитарная наука в России и перелом 1917 г.: экзистенциальное измерение / Humanities in Russia and the Break of 1917: the Existential Dimension». В работе семинара приняли участие двадцать три исследователя проблем *антропологии исторического* из Болгарии, Германии, Израиля, Италии, России, США, Узбекистана и Украины.

Организаторы мероприятия – профессор Одесского национального университета им. И. И. Мечникова Оксана Довгополова и доцент пермского филиала Высшей школы экономики Алексей Каменских, – убеждены, что долг «людей Университета» – соединять и сращивать рвущиеся нити ткани культуры в то время, когда эта ткань рвётся политиками.

Прошедший в августе семинар стал продолжением серии ежегодных международных научно-образовательных семинаров, посвящённых исследованию «человеческого измерения» истории, начатой в 2010 году в Одессе семинаром «Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории». Мероприятие также конкретизировало проблематику проведенного в августе 2014 года на базе пермской «Вышки» научно-образовательного семинара «Человеческое измерение времени». В этот раз организаторы предложили сфокусировать внимание на специфике самоопределения гуманитария в ситуации исторического перелома.

Целью семинара явилась разработка той методологической оптики, которая позволяет анализировать реакцию представителя академического сообщества на слом эволюционного движения истории. Принадлежность к гуманитарному академическому пространству предполагает осознание значимости традиции и одновременно тренированность критического мышления. Ситуация первой четверти XX века оказывается предельно продуктивной для изучения интересующего нас экзистенциального жеста, ибо первые значимые сломы академической традиции произошли именно в это время – в 1914 и в 1917 годы.

В этой ситуации с предельной резкостью перед человеком встает задача «перезапуска» собственного проекта жизни в контексте цивилизационного слома. Для гуманитария вопрос самоопределения в

исторической ситуации оказывается вопросом выживания – методологическая позиция исследователя могла оказаться пропуском как к карьерным высотам, так и к социальной изоляции (в лучшем случае). Реакция представителей академического пространства как носителей исторического сознания зачастую оказывается «несимметричной». Это чаще всего не политическая деятельность, но методологический выбор, оказывающийся экзистенциальным жестом человека в истории.

Несимметричные реакции интеллектуалов в ситуации обрушения привычного академического уклада кажутся провальными в контексте бурно развивавшихся политических событий. При этом внимательный взгляд на судьбы российских профессоров (и шире – «людей университета»), частично оказавшихся за рубежом, частично действовавших на родине, позволяет убедиться в существовании особой интеллектуальной позиции, являющейся адекватным выбором в ситуации политического взрыва. Убежденность в значимости критического мышления и исторической компетентности в построении политической идентичности создают ту особую экзистенциальную платформу, на которой избравшие её люди оказываются иногда более успешны с точки зрения влияния на «судьбы мира», чем проекты жизни «пламенных революционеров» или «отважных воинов» (примеры – участие Л. П. Карсавина в разработке основ современной литовской историографии и в целом – в создании литовского академического языка; сходную роль по отношению к болгарской гуманитарной науке сыграли работы П. М. Бицилли; можно вспомнить значимость работ Александра Койре, Георгия Вернадского, Александра Кожева для разработки проблем современной истории и социологии науки, значение П. А. Сорокина для американской социологии и философии истории).

Необходимость выстраивания индивидуальной жизненной позиции позволяет рассмотреть жизненные проекты российских интеллектуалов за рубежом и на родине как уникальные эксперименты, цели которых выходят далеко за пределы потребностей отдельного человека. Для организаторов семинара принципиально важно было соучастие в исследовании представителей тех академических традиций, частью которых стали российские гуманитарии-эмигранты.

Для организаторов семинара очевидно, что рассматриваемая проблематика носит не только теоретический, но и практический характер. Мощные тектонические сдвиги геополитического характера, детектируемые в последнее десятилетие, не позволяют нам выстраивать собственную жизненную позицию в контексте представлений об эволюционном развитии мира. Тщательный анализ экзистенциальных

жестов людей, переживавших типологически сходную ситуацию, является, таким образом, значимым не только в теоретической, но и практической перспективе.

Семинар был структурирован преимущественно по персоналиям (особое внимание было уделено фигурам П. М. Бицилли, Л. П. Карсавина, Г. В. Флоровского, К. В. Флоровской, А. П. Мещерского и А. Ф. Лосева). Отдельный блок работы семинара был посвящён перипетиям взаимоотношений научных школ (в частности, школы российских формалистов). Предметом обсуждения в рамках работы «третьего блока» семинара стали трансформации в университетских традициях в ситуации перелома 1917 г. (тематическое, методологическое, административное, идеологическое измерения).

Серьезный теоретический узел, рассматривавшийся на семинаре, связан с наследием и жизненными проектами П. М. Бицилли и семьи Флоровских, которые эмигрировали из Одессы в начале 20-х годов и на протяжении многих лет находились в отношениях творческого соучастия в судьбах друг друга. Значимо, что именно на пермском семинаре состоялась первая презентация книги «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» (София: Солнце, 2015). Книга была подготовлена участниками семинара Таней Галчевой (Болгария) и Инной Голубович (Украина). Научным редактором выступил Владимир Янцен (Германия), а предисловие подготовлено Оксаной Довгополовой (Украина). Таким образом, весь творческий коллектив, участвовавший в подготовке книги, присутствовал на семинаре. На скайповой связи с участниками презентации была также внучка Петра Михайловича Бицилли Наталья Галь (Швейцария), без усилий которой введение в научный оборот многих документов, касающихся жизни П. М. Бицилли, было бы невозможно.

В центре внимания презентации **Инны Голубович** (Одесса, Украина), оказалось письмо Петра Михайловича Бицилли к Георгию Васильевичу Флоровскому от 17 ноября 1922 г., направленное из Скопье в Софию. Этот важный во многих отношениях источник был обнаружен Инной Голубович в личном архиве Г. В. Флоровского, хранящемся в библиотеке Свято-Владимирской духовной семинарии (Крествуд, Нью-Йорк). Впервые документ публикуется в книге «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции». Письмо от 17.11.22 г. является по содержанию хронологически первым серьезным отзывом на текст магистерской диссертации Г. В. Флоровского «Историческая философия Герцена» – первой магистерской диссертацией по философии, защищенной в рамках

деятельности Русских академических организаций за границей, воссоздавших в общих чертах соответствующие университетские структуры Российской империи. Драматическая история этой защиты, ставшей интеллектуальным событием в эмигрантской среде, привлекает сегодня пристальное внимание многих исследователей (Э. Блейн, В. Янцен, П. Гаврилюк, М. Бейкер, М. Колеров, М. Каназирска, А. Черняев и др.). Защита состоялась 3 июня 1923 г. в Праге, куда специально приехал один из лидеров русской эмиграции П. Милюков, в том числе, чтобы выразить протест против образа А. Герцена, представленного соискателем магистерской степени. Однако первоначально защита должна была состояться осенью 1922 года. Именно об этой запланированной, но несостоявшейся защите, где собирался выступить П. М. Бицилли, идет речь в письме.

Указанное письмо – лишь один из ценнейших источников, опубликованных в книге «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции». Здесь же опубликован текст рукописи о философии истории Данилевского, два экземпляра которой были обнаружены в Софии и в Принстоне. Авторство текста окончательно установить пока не удалось, однако текст снабжен богатейшим справочным материалом, раскрывающим исследовательскую «кухню» Т. Галчевой и И. Голубович.

Логическим продолжением презентации книги «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» стал доклад и скайп-конференция одного из наиболее авторитетных мировых экспертов в области творчества Г. Флоровского **Павла Гаврилюка** (Сент-Пол, США). Американский исследователь представил участникам семинара свои исследования в области наследия Георгия Флоровского, оценил состояние флоровсковедения в современном мире и отметил, что современное богословие в целом находится под серьезнейшим влиянием российского теоретика. Нелинейность и внешняя несистематичность исследований отца Георгия наметила тот способ теологического поиска, который оказывается наиболее востребованным в наши дни.

Дополнением к докладу Павла Гаврилюка стали размышления **Владимира Янца** (Галле, ФРГ) об общеметодологических проблемах «персональных параллелей» и «нереализованных замыслов» в гуманитарных науках вообще и в истории философии в частности. Эти проблемы В. Янцен проиллюстрировал примерами из биографий и творчества Г. В. Флоровского и Д. И. Чижевского, подчеркнув их

плодотворность при постановке вопроса о генезисе творчества этих ученых как философов.

«Софийскому узлу» судеб российских гуманитариев первых десятилетий XX века были посвящены доклады Тани Галчевой и Оксаны Довгополовой. Доклад главного редактора сайта savedarchives.net **Тани Галчевой** (София, Болгария) был посвящен судьбам авторов, по своей воле отказавшихся принять участие в потоке современной им словесности. Выбор Клавдии Васильевны Флоровской (1883–1965) и Андрея Павловича Мещерского (1915–1992) был невелик: молчать или писать «в стол». Их работы оказались неопубликованными по разным причинам: либо из-за требовательности, либо из-за избытка наблюдательности и сообразительности самого пишущего. Т. Галчева подчеркнула, что выбор «отсутствовать» иногда был единственным проявлением воли, знаком «хотящего сознания», защищающего внутреннюю, духовную свободу личности, не желающей оказаться жертвой исторического момента.

Оксана Довгополова (Одесса, Украина) предприняла попытку анализа экзистенциального жеста российских историков-медиевистов в эмиграции. Особая оптика видения судьбы П. М. Бицилли и Л. П. Карсавина возникает, когда мы рассматриваем их становление как историков соответственно Болгарии и Литвы. О. Довгополова предложила рассмотреть жизненный выбор двух теоретиков в контексте их методологических установок. Мета-исторические позиции исследователей и базирующийся на этих позициях методологический инструментарий раскрывает для нас и смысл экзистенциальных жестов, осуществленных П. М. Бицилли и Л. П. Карсавиным.

Отдельный смысловой узел, которого касались участники семинара, связан с философским и историческим наследием Л. П. Карсавина. Ведущий в России специалист по творчеству мыслителя **Владас Повилайтис** (Калининград, Россия) представил философско-историческую концепцию Л. П. Карсавина в общем контексте философско-исторических изысканий представителей русского зарубежья. В. Повилайтис приходит к выводу, что многообразие методологических подходов представителей философско-исторической мысли русского зарубежья – будь то исследователи, ориентировавшиеся на методологические образцы позитивистской историографии (П. Н. Милуков, П. Н. Савицкий, Р. Ю. Виппер, К. Р. Качоровский, Ю. В. Ключников), будь то представители религиозно-философского направления русской эмиграции (Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Г. П. Федотов, Ф. А. Степун, Я. А. Бромберг, Г. Н. Полковников), будь то авторы, нацеленные на поиск принципиально новых путей в

философии истории (П. Б. Струве, П. М. Бицилли, Б. П. Вышеславцев, Г. А. Ландау, Н. С. Трубецкой, Н. А. Реймерс, Н. В. Устрялов) – не позволяет нам говорить о сколько-нибудь единой традиции, которую мы могли бы обозначить термином «философско-историческая мысль русского зарубежья». Речь идёт о многих, принципиально отличных друг от друга «философиях истории».

Фигуре Л. П. Карсавина было посвящено также блестящее выступление **Анны Резниченко** (Москва, Россия). Исследовательница раскрыла феномен Карсавина как крупного русского и европейского интеллектуала на «сломе» эпох, судьба которого ярко демонстрирует как очевидную институциональную неприиспособленность, так и очевидную интеллектуальную зрелость. В докладе было показано, что уникальность теоретического наследия Карсавина, в частности, заключается в статичности его философской концепции (сложившейся еще в 1910-е годы) и многообразии форм теоретического выражения. Наряду с традиционными формами философских сочинений (трактат, памфлет, философский диалог) Карсавин использует такие в целом нехарактерные для традиционного русского философского языка XIX века приёмы, как стилизация, преимущественно под средневековые европейские тексты («Saligia») или тексты немецких романтиков («Noctes petropolitanae») и пародия. В подавляющем большинстве случаев смысловую нагрузку несут на себе такие маргинальные для традиционного философского трактата или диалога элементы, как оглавления и автокомментарии. А. Резниченко показала, что из перелома 1917–1922 гг. Карсавин вынес не только собственную философскую систему – но и еще по крайней мере две экзистенциальные интенции, которые и пытался воплотить в жизнь. Первой такой экзистенциальной интенцией была мечта об Академии наподобие Флорентийской, о «содружестве свободных умов». Вторая позиция еще более экзистенциальна: это отказ от себя в пользу себя же, отказ от «я» эмпирического в пользу «я» трансцендентного, от личности – в пользу симфонической личности, – что было воспринято современниками как самоуничтожение. А. Резниченко показала трагизм ситуации мыслителя, когда тот, будучи обыкновенным политическим заключённым, умирающим в Абези от туберкулеза, был вынужден в предельно ясной и лаконичной форме (к тому же в очень короткий срок) сформулировать особенности своей собственной философской системы.

Михаил Талалай, представитель Института всеобщей истории РАН в Милане, посвятил своё выступление Николаю Петровичу Оттокару (1884–1957), блестящему медиевисту, первому ректору Пермского университета, в 1921 г. эмигрировавшему в Италию. Оттокар по своему

происхождению, вере (кальвинист) и профессиональным интересам принадлежал к наиболее европеизированной части русской интеллигенции, причем ее рационального склада. Поэтому едва ли можно согласиться с Эрнесто Сестаном, преемником Н. П. Оттокара в качестве заведующего кафедры истории Флорентийского университета, сравнившим судьбу своего коллеги с «пересадкой цветка русских степей на солнечные тосканские земли». Эпитафия на могиле Оттокара, возможно, составленная им самим, более точна и сдержана: «русский по рождению, флорентинец по выбору». Путь во Флоренцию у Оттокара лежал через Пермь, где он способствовал становлению университета, в самые тяжкие годы Гражданской войны. Однако во Флоренции историк подолгу жил и до 1917 г., подтверждая таким образом самую характерную особенность русской эмиграции в Италии – ее преемственность: здесь оседали преимущественно те, у кого уже были связи со страной до революции. Историк не противопоставил себя советской власти, покинув родину легально как командированный. Свое отношение к 1917 году он выразил в книге (на итал.) «Краткая история России» (1936), где оценивает революцию как фиаско гражданского общества, а установившийся послереволюционный строй как государственный капитализм. Основной вклад Оттокара в мировую историческую науку – строго академическое изучение средневековой итальянской (и французской) коммуны, вне идеологических и идеалистических схем, характерных даже для итальянских коллег. Однако в конце академической карьеры ученый отдал дань эссеистическому подходу, написав краткую трилогию «Флоренция», «Сиена», «Венеция».

Ряд выступлений участников семинара был связан с экзистенциальными жестами представителей российской гуманитаристики, которые не вписываются в имеющиеся рецепты поведения, являясь уникальными философско-жизненными экспериментами. Так, темой выступления **Алексея Каменских**, доцента НИУ ВШЭ-Пермь, организатора семинара, стал анализ «контрабандного жеста»¹ Алексея Фёдоровича Лосева, осуществлённого в одном из разделов «Очерков античного символизма и мифологии» (1930 г.). В очерке «Социальная природа платонизма» А. Ф. Лосев показывает внутреннюю, необходимую связь между платоновским учением о идеях и тоталитарным характером идеального государства. Кроме того, благодаря использованию целого комплекса «непрямых» выразительных средств Лосев достигает эффекта взаимного соответствия платоновского

проекта и той социальной реальности, которую автор наблюдал в конце двадцатых годов из окна своей арбатской квартиры.

В докладе **Михаила Немцева** (Москва, Россия) «Алексей Лосев в 1917 году: координаты самоопределения» была предложена гипотеза об интерпретации Лосевым русской революции. Внимание докладчика было сконцентрировано на работах Лосева 1917–1918 гг, опубликованных в последние годы, а также на его художественных произведениях и переписке 1930-х. Тема Революции не затронута здесь непосредственно, но именно эти тексты позволяют реконструировать мировоззрение философа в контексте теории символа. Михаил Немцев охарактеризовал две основные перспективы самоопределения Алексея Лосева в тот период. Одна из них, «славянофильская» или «веховская», состояла в принятии позиции продолжателя особой традиции «русской философии», противопоставленной «западной» (фактически – немецкой), укоренённой в восточном православии и социально-ориентированной. Эта «традиция» была выделена и обоснована незадолго до того В.Ф. Эрном. Позиционируя себя как её продолжателя, Лосев формирует своеобразное «бойцовское» самосознание, столь различное в его философских работах 1920-х. Вторая линия – символическая: восприятие революции как угрожающего хаоса, который однако является символическим выражением истины народного призвания; философ должен суметь «прозреть» эту истину. Сочетание этих перспектив позволило Лосеву, в отличие от многих его современников, признать и принять установившуюся власть большевиков, не отказываясь ни от православия, ни от «идеалистических» философски воззрений.

Как показала **Стефания Сини** (Верчелле, Италия), экзистенциальный жест Романа Якобсона во время грандиозного революционного переворота 1917 года выразился в образовании (Bildung) собственной персоны. Эта персона приобретает со временем многие грани, начиная с лика ученого, интеллектуала, «будетлянина науки», близкого к художественному авангарду (к примеру, как известно, к Хлебникову и Маяковскому), основателя Московского Лингвистического кружка. В Праге, куда в 1920 г. эмигрировал Якобсон, к этим граням добавляется роль «дипломата», пытающегося создать мосты между русскими и чешскими учеными. Перипетии судьбы Якобсона порождают удивительный эффект – способность к осуществлению судьбоносного изменения парадигмы гуманитарных наук всего мира. Его деятельность включала в себя как поиски еврейских корней, так и поиски, а в еще большей степени – создания сетей международных связей, которые могли бы обеспечить функционирование научного, бесконфликтного и

гармоничного сообщества. Уже будучи в преклонном возрасте и став мировой величиной, он неустанно посещает университеты и научные учреждения ради создания таких сетей.

Анна Леонтьева (Москва, Россия) обозначила проблему формирования экзистенциального жеста Л. С. Выготского. В контексте переломного периода 1917–1919 гг. формируется особая оптика Льва Выготского, в которой психология и искусство оказываются двумя путями постижения человека и изменения мира. А. Леонтьева обратила внимание на то, что именно первый период творчества Выготского изучен непростительно мало. Уже отмечалось (А. Эткин), что смысл работ Выготского становится очевиден не в узкопрофессиональном контексте, но в контексте общегуманитарных задач его времени: поиск соотношений культуры и природы, разработка категорий для описания этого взаимодействия. Совпадение личностного кризиса с историческим как будто создали новую историческую идентичность — на основе поворота от поиска опор для «вершинной психологии» в религии к марксистским идеям о «новом человеке». Самое яркое творчество Л. С. Выготского в психологии попало в тот относительно короткий период, когда преобразующий характер гуманитарных знаний и педагогики был востребован (педология, психотехника).

Индивидуальные экзистенциальные жесты, ставшие ответом на слом цивилизационной парадигмы начала XX века, были проанализированы в докладах Светланы Панич, Евгения Кузьмина и Оксаны Штайн.

Доклад **Светланы Панич** (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва) был посвящен одной из незаслуженно обойденных исследовательским вниманием фигур парижской межвоенной эмиграции — создателе и соредакторе журналов «Современные записки» и «Новый град», члене РСХД, основателе литературного объединения «Круг» и «ордена русской интеллигенции», канонизированном в 2004 году в числе Парижских новомучеников И. И. Фондаминском. В воспоминаниях современников Фондаминский не раз именуется «праведником». Это определение, встречающееся в текстах людей порой полярно противоположных воззрений и жизненных установок, побуждает задаться вопросом: каким может быть экзистенциальный жест праведника в ситуации, когда само понятие «правда» и возможность ее творить поставлены под сомнение? В докладе предпринималась попытка, основываясь на целостном жизненном свидетельстве И. И. Фондаминского, показать, что в его случае таким сквозным жестом становится сопричастность во многообразии ее ситуативных проявлений. Именно сопричастность побуждает Фондаминского участвовать в

деятельности разнообразных, порой враждовавших друг с другом эмигрантских сообществ и таким образом соединять на пространстве собственной биографии то, что в пространстве идеологических полемик соединено быть не могло. Именно ею вдохновлено создание «ордена русской интеллигенции», который задумывался как собрание всех здоровых мыслящих и творческих сил ради самоотверженного «общего дела». Именно она приводит парижского интеллектуала и публициста в объединение «Православное дело» и дом на ул. Лурмель, 77, где он становится одним из ближайших друзей и сподвижников основавшей это общежитие для бедных м. Марии (Скобцовой). Наконец, только сквозь призму сопричастности может быть полно и неискаженно увиден кульминационный жест биографии Фондаминского — отказ принять крещение в относительно благополучное время и принятие его в лагере, когда соучастие в страдании не только своего народа по плоти, но всякого попавшего в жернова войны человека сомнений не вызывала. Осмысление этого жеста в контексте истории представлений о святости дает основания предположить, что в данном случае, равно как и в опыте других парижских новомучеников, можно говорить о новом агиографическом типе «святость как сопричастность», отвечающем одну из острейших антропологических и этических потребностей XX века.

Дмитрием Бирюковым (Падуа, Италия) на основании как опубликованных, так и неопубликованных архивных материалов был сделан доклад, посвященный жизни и деятельности во время революции и в послереволюционный период отечественных исследователей истории христианской мысли: профессора Казанской духовной академии В. И. Несмелова, доцента Киевской духовной академии С. Л. Епифановича и профессора Санкт-Петербургской духовной академии А. И. Бриллиантова. Было показано, как революционные события повлияли на жизнь, научную деятельность и сохранность результатов научных исследований этих ученых. Выявлены и исследованы связи в рамках научной деятельности между С. Л. Епифановичем и А. И. Бриллиантовым в предреволюционное время.

Евгений Кузьмин (Иерусалим, Израиль) проанализировал уникальную жизненную позицию Максимилиана Волошина (доклад «Максимилиан Волошин: Мистическое измерение истории»). «Мистическое» здесь проявляется на двух уровнях — мистическая, оккультная концепция самого Волошина и мистическое воплощение этой концепции в судьбе наследия поэта. История для Волошина — проявление «коллективного субъективного», совокупности проявлений субъективного множества людей. А функция поэта — давать имена проявляющемуся из

душевного и духовного миров. Подобное мировоззрение не могло не быть отвергнутым молодым советским государством. С 1927 года тексты Волошина не переиздаются. Однако с середины 1960-х годов начинается возрождение интереса к поэту, обусловленное неверным пониманием его произведений, чему способствовала книга Ильи Эренбурга (1891–1967) «Люди, годы, жизнь». Оккультные тексты Волошина были неверно истолкованы как политически индифферентные, даже не лишённые некоторого сочувствия большевикам. Особенно это касается постоянно цитируемой в советское время фразы из стихотворения «Гражданская война»: «Молось за тех и за других». На самом же деле, как показывают дневниковые записи 1932 года, речь идет, очевидно, о магической практике. Возвращение поэта совпало с возрождением в СССР интереса к религии. Так допущенный в советскую культуру Волошин стал учителем для многих советских людей, интересующихся оккультизмом.

Оксана Штайн (Санкт-Петербург, Россия) темой своего исследования выбрала «Петербургские дневники» Зинаиды Николаевны Гиппиус. В докладе было показано, как оказавшаяся в эпицентре революции Гиппиус, воспринимавшая революцию крайне враждебно, устанавливает свою идентичность через расщепление своего имени на череду псевдонимов. Так, у Гиппиус их было порядка 47, это тенденция переломного исторического времени, однако все псевдонимы стерлись в экзистенциальной ситуации пограничного страха и отчаяния за судьбу России и за собственную судьбу.

В докладе **Евгения Абдуллаева** (Ташкент, Узбекистан) «"Красный" Платон: образ советского государства как платоновской утопии (1920-е–1930-е годы)» был дан сжатый анализ параллелей между программой большевиков и платоновской социальной утопией, отмечавшихся русскими и зарубежными философами и литераторами в первые два десятилетия советской власти (Мариенгофом, Пастернаком, Пономаревым, Фейхтвангером и др.).

Микроанализ экзистенциальных жестов гуманитариев в эпоху цивилизационного слома представили Александр Скиперских, Андрей Бушмаков и Александр Чащухин. В докладе **Александра Скиперских** (Пермь, Россия) представлены размышления о конфликте двух русских интеллектуалов и возможного влияния этого конфликта на дальнейшую жизнь участников. Старт трудного диалога между В. Розановым и М. Пришвиным был дан в Елецкой мужской гимназии, где они встретились в качестве преподавателя и ученика. Роль В. Розанова в судьбе М. Пришвина выглядит едва ли не определяющей, потому как именно он выступил инициатором исключения из гимназии молодого и дерзкого

ученика. А. Скиперских предложил рассматривать мировоззренческий конфликт Розанова и Пришвина скорее в политическом ключе, имея в виду перспективу развития политических взглядов обоих. Диалектический спор власти и сопротивления получает логическое продолжение в их текстах, вызывая споры среди литературоведов и философов.

В рамках семинара **Анна Костицина** (Пермь, Россия) провела презентацию собрания редких книг из библиотеки Пермского педагогического университета. История формирования коллекции и анализ дарственных надписей приоткрыла для участников семинара очень показательные моменты экзистенциальных жестов интеллектуалов первых десятилетий XX века, ставивших перед собой цель спасти наиболее важные для себя ценности. Уверенность в возможности возрождения цивилизации, когда сохраняется библиотека, заставляла вывозить библиотечные собрания из Петрограда на безопасный, казалось бы, Урал. Судьбы интеллектуальных традиций зависят иногда от таких жестов.

Наталья Верещагина (Пермь, Россия) продемонстрировала специфику реализации проекта жизни пермского интеллектуала в контексте переломного периода 1917–1922. Объектом исследовательской разведки стал М. А. Осоргин (1878–1942) – публицист, журналист, писатель, чье творчество принято рассматривать в ряду произведений авторов первой волны русского зарубежья (И. Бунина, И. Шмелева и др.). Н. Верещагина показала, что результатом переживания цивилизационного слома у Осоргина оказалась уникальная экзистенциальная теория времени, ядром которой выступает разворачивание человеческой свободы. В своей книге «Времена» (1938–1942) Осоргин анализирует поток естественных событий, условно разделенных границами детства, юности, молодости. В основе переживания и размежевания времени лежит чувство свободы, ее видов и проявлений (от детских заключений в чулане, до «радости от чувства свободной ссылки»). Текучесть проекта жизни Осоргина подчеркивается образом парохода, который появляется в текстах Осоргина в описаниях перехода от одного периода свободы к другому.

Микроисторический срез экзистенциального жеста представительницы российского академического пространства, прошедшей путь от гимназистки до заведующей ОблОНО и члена Молотовского обкома партии продемонстрировали **А. Бушмаков** и **А. Чащухин** (Пермь, Россия). Доклад был сфокусирован на проблеме интерпретации источников в процессе историко-культурной реконструкции различных периодов советской эпохи. Материалы личного фонда заслуженной советской учительницы существенно отличаются от вводимых в научный оборот «типичных» эгодокументов. Наряду с ранними

дневниками, письмами и текстами сочинений, в личном фонде ГАПК (Государственного архива Пермского края) присутствуют и документы, которые следует отнести к официальным текстам. Интерпретация этих текстов позволяет реконструировать приемы использования советских идеологом в сфере советского образования. Парадоксально, но в 1960-е гг. использование приемов цитирования авторитетных в советской педагогике деятелей (Крупской, Макаренко), а также «жизненных» примеров, взятых из ведомственной прессы, создавали пространство определенной свободы высказывания в мире учительской профессии. Эта свобода выражалась не столько в производстве новых педагогических идей, сколько в возможности «склеивания» различных идеологических форм, относящихся как к эпохе «оттепели», так и периоду позднего сталинизма.

В ходе семинара участники обозначили особое направление гуманитарных исследований, связанное с изучением жизненных проектов представителей академического сообщества, оказавшихся в ситуации распада того мира, в котором они готовились жить. Была отмечена необходимость разработки методологических подходов, адекватных для изучения экзистенциальных жестов людей в ситуации цивилизационного слома. На семинаре была создана атмосфера творческого напряженного сотрудничества. К сожалению не все участники смогли добраться до Перми, но они имеют возможность представить результаты своих исследований в коллективной монографии, готовящейся к изданию в петербургской «Алетейе».

Пермская Вышка в очередной раз стала площадкой для развертывания плотного и качественного дискурса, результаты которого выходят за пределы произнесенного на семинаре. Радует, что постоянными участниками семинара были студенты (даже только поступившие и еще не имевшие опыта студенческой жизни). Соучастие в работе творческой лаборатории такого уровня – важный опыт в студенческой жизни.

Примечания

¹ «Контрабандный жест» рассматривался в докладе в рамках общей концепции «интеллектуальной контрабанды», предложенной О. А. Довгополовой. Речь идёт о стратегии поведения интеллектуала, вынужденного в ситуации жёсткой идеологической цензуры помещать в свои сочинения «запрещённый контент» под видом «разрешённого». Так, к примеру, А. Я. Гуревич использовал парафразы из сочинений запрещённого П. М. Бицилли под видом выдержек из текстов представителей разрешённой «Школы Анналов».